

почтенія и уваженія, каковы Добровскій, Шлецеръ и многіе другіе, которые, отсудивъ отъ Болгаріи ея Апостоловъ, присудили ихъ Моравіи.

Нынѣшніе Болгаре, отдѣленные отъ общества Европейскихъ просвѣщенныхъ народовъ, ни слова не знаютъ о спорахъ, происшедшихъ до сихъ поръ въ Богеміи, Моравіи, и проч. касательно проповѣдыванія и дѣлъ ихъ Меѳодія и Кирилла, за коихъ они до сихъ поръ еще не вступались, кажется, по тому, что, благодаря Турокъ и судьбу просвѣщенія, не оказались бы сильны въ историко-судебной діалектикѣ.

Принимаясь за исторію Болгаръ, единственно для принесенія какой либо пользы Россійской, я принужденъ вмѣшаться не много въ сію распрію (распрію? нѣтъ, не распрію: Болгаре еще не подавали голоса, а господа иностранцы занимались только повѣркою своихъ легендъ, съ безпечною увѣренностію въ своей правотѣ), пока возстанутъ сами Болгаре.

Да простятъ мнѣ всѣ великіе и малые толкователи летописей и легендъ за мою дерзость противъ историческихъ предразсудковъ. Въ меня вселилась искусительная недовѣрчивость къ авторитетамъ писателей, и вопросъ: *откуда взялся къ намъ тотъ чудный не Русскій языкъ, который, со временъ Нестора, съ такою силою господствовалъ въ Русской словесности, до самой смерти Тредьяковскаго, и который еще и теперь владычествуетъ въ церквахъ не только обширнѣйшей Россійской Имперіи, но и въ Красной Россіи (Галиціи), и у Карпато-Россовъ (въ С. Восточной Венгріи), и въ многихъ церквахъ природныхъ Венгровъ (Мадяровъ, не Славянъ)? Какимъ образомъ онъ завладѣлъ Русью? Не уже ли онъ переселился въ оную безъ важныхъ обстоятельствъ, безъ сильнаго вліянія? Не уже ли онъ не былъ народнымъ языкомъ? И какого народа?* такъ сильно тревожитъ меня, что отъ этой тревоги тогда только могъ бы я освободиться, когда бы получилъ обстоятельный отвѣтъ. Признаюсь, чтобы избавиться отъ сей напасти, я